

18+

Виктор Пронский

*Белая Волчица.
Солдат ненависти.*

Виктор Пронский

Белая волчица. Солдат ненависти

«Издательские решения»

Пронский В.

Белая волчица. Солдат ненависти / В. Пронский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506264-2

Вы встречали когда-нибудь белого волка или белую волчицу? Наверняка, ответ будет отрицательный. Но если вы их не видели, это вовсе не значит, что они не существуют. Прочтите повесть Виктора Пронского «Белая волчица. Солдат ненависти» и вы поймете, что это за «звери». Его книга — конгломерат документалистики, детектива, мистики и полета авторской фантазии. Вместе с героем произведения вы пройдете партизанскими тропами, ввяжетесь в шпионские авантюры и познаете мир человеческих страстей.

ISBN 978-5-00-506264-2

© Пронский В.
© Издательские решения

Содержание

БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА И КРАСНЫЙ ВОИН. СОЛДАТЫ НЕНАВИСТИ	6
Первый эпизод, а возможно и не первый. Война 1941—1945 гг	7
Второй эпизод, а возможно, и не второй. Война 1941—1945 гг.	9
Третий эпизод, но возможно, и не третий. Война 1941—1945 гг.	11
Четвёртый эпизод, а возможно и не четвёртый. Война 1941—1945 гг.	14
Пятый эпизод, а возможно и не пятый. Время действия 1960 г.	16
События в Загорске	16
Эпизод шестой, а возможно и не шестой	19
Время 1960—1961 гг.	19
Эпизод седьмой, а возможно и не седьмой	21
Миссия в Минск	21
Жизнь в Минске	25
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Белая волчица. Солдат ненависти

Виктор Пронский

© Виктор Пронский, 2020

ISBN 978-5-0050-6264-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пронский Виктор Васильевич.

БЕЛАЯ ВОЛЧИЦА И КРАСНЫЙ ВОИН. СОЛДАТЫ НЕНАВИСТИ

Тумурийн (Тимур) Дашзевег работал на постах начальника I отдела Военного министерства и заместителем начальника Генерального штаба Монгольской народной армии, если попростому, заместителем министра обороны Монголии товарища Демида.

В 1937г Тимур Дашзевег был арестован как враг народа. Из Монголии Дашзевег был перевезён в Москву на Лубянку.

На допросах мой дедушка Тимур Дашзевег признался в контрреволюционной деятельности. Признался, что готовил покушение и убийство тов. Сталина, свержение Советской власти в СССР и Монголии. Признался, что работал на спецслужбы Японии ещё со времен Гражданской войны в России. Признался в том, что создал и руководил на территории МНР японской диверсионно-террористической шпионской контрреволюционной организацией. На допросах назвал имена своих агентов и сообщников в высшем руководстве СССР и Монголии.

О том, сколько генералов и маршалов было расстреляно, я даже и не пишу, и так понятно.

* * *

НКВД разгромило белое движение в СССР, но очень опасный враг Советской власти и коммунистов не был разоблачен. Этот враг нанес государству СССР чудовищный ущерб.

За ущерб этого человека нужно было бы расстрелять тысячу раз. Но в НКВД даже не догадывались о существовании этого страшного врага.

**От героев былых времен
Не осталось порой имен.
Те, кто приняли смертный бой,
Стали просто землей, травой.
Е. Агранович**

* * *

Первый эпизод, а возможно и не первый. Война 1941—1945гг

Моя будущая мама и бабушка беженцы, идёт война, они беженцы из Москвы, был приказ тов. Сталина эвакуировать из Москвы часть населения.

Беженцы странствуют по территории СССР. Усталые и голодные, они пришли в очередную деревню. Эвакуированных поселили в домах жителей деревни. Мама рассказывала мне, своему сыну, что в селе они прожили несколько недель. Спокойная жизнь рухнула однажды ночью. Всё село, и мама, и бабушка, проснулись от выстрелов в соседнем лесу. Шёл бой, стреляли из автоматов, винтовок, взрывались гранаты. Что происходит? Немецкое наступление? Но здесь очень глубокий тыл... Или это немецкий десант?

Сражение продолжалось несколько часов. Уже утром дверь в избушку, где жили моя будущая мама и бабушка, затрещала, раздался грохот: открывайте! Хозяева избушки пошли открывать. В дверь ввалились вооружённые солдаты, они тащили своих раненых, на пол положили двух тяжелораненых. Раненые были все в крови, солдаты, тащившие их, тоже.

В избушку набилось много солдат. В комнате стоял сплошной мат. Моя мама, хотя была маленькой девочкой, поняла, что это не немцы, а свои, русские.

Солдаты страшно ругались и проклинали проклятых дезертиров, моя будущая мама не понимала, какие дезертиры, откуда, ведь все русские солдаты воюют на фронте против немцев.

Солдаты обвиняли друг друга в каких-то просчётах, недоработках, из-за этого погибло очень много солдат НКВД, а раненых ещё больше, чем убитых. Солдаты настолько увлеклись руганью, что оставили своих раненых на полу.

Мама рассказывала, что находилась рядом с ранеными, один из них вдруг дёрнулся, из рта пошла кровь, прямо фонтан.

Мама посмотрела на второго, у него был распорот живот, пока солдаты спорили, из живота начали вылезать кишки.

Мама обратилась к ближайшему солдату:

– Дядечка, вон у того дядечки на полу какие-то блестящие трубки повылезали из живота. Солдаты услышали ее слова и уставились на раненых. Солдаты спросили:

– А вы кто такие?

– Мы эвакуированные из Москвы.

Неожиданно солдаты набросились на хозяев избушки, они начали избивать их, крича:

– Твари! Пособники фрицев! Предатели! Вон из избушки! – приказали солдаты. Мама и бабушка вылетели из избушки.

Но на улице было не лучше. Солдаты врываются в дома, по земле тащили окровавленных людей. Людей били прикладами, сапогами, кулаками, был такой кошмар, что описать невозможно. Маленькой глупой девочке многое было непонятно, и только много позже она узнала страшную правду. Всё оказалось просто страшно.

Оказалось, что в соседнем лесу прятались дезертиры из Красной Армии, ну а жители села прятали и подкармливали их. Причём, как оказалось, дезертиры были из этой деревни и из других соседних деревень. Причём скрывались дезертиры в этом лесу не менее двух лет, и никто из местных жителей не выдал их.

Солдаты НКВД напали на лагерь дезертиров ночью. Убитых дезертиров были многие сотни. Войска НКВД потеряли в этом бою не менее ста бойцов убитыми и ранеными. Убитых и взятых в плен дезертиров тащили в деревню на опознание. Как потом стало известно, почти все дезертиры из леса имели родственников в этой деревне.

Допросы дезертиров и местных жителей продолжались весь день, с помощью кулаков, сапогов и прикладов, почти все местные признали дезертиров.

После ухода солдат НКВД из деревни среди местных жителей поползли слухи, что о дезертирах стукнули эвакуированные (а ведь действительно, почти два года никто не стучал о дезертирах в лесу), а появились эвакуированные, и началась облава.

В общем, моей маме и бабушке пришлось срочно делать ноги из этой «благополучной» деревни.

Моя будущая мама была совсем маленькой глупой девочкой и мысль о том, что её мама стукнула в НКВД о дезертирах в лесу, показалась ей в то время абсурдной, да и мне тоже.

Мама рассказала мне, своему сыну, об этом случае из своей жизни, когда мне было восемь или девять лет. Но даже тогда я не придавал этому случаю особого значения, и только потом, будучи взрослым, сопоставив многие другие случаи из жизни моей мамы и бабушки, я призадумался.

Ведь в этом бою погибло не меньше сотни солдат НКВД, а это гвардия, лучшие воины тов. Сталина, все сплошь коммунисты и комсомольцы.

Солдаты НКВД допрашивали взятых в плен дезертиров и выяснили, что кто-то неизвестный предупредил дезертиров о возможном нападении на их лагерь.

Дезертиры не успели уйти из лагеря, но были настороже, поэтому нападение на лагерь в лесу солдат НКВД не явилось внезапностью.

Моя мама слышала, как солдаты НКВД страшно пытали пленных дезертиров, выбивая имя того, кто сообщил дезертирам о ночной атаке НКВД.

Это получается, что кто-то стукнул в НКВД о тайном лагере дезертиров и примерном его расположении, а потом кто-то неизвестный в самый последний момент предупредил дезертиров о возможной атаке на лагерь дезертиров.

Только спустя много десятилетий до меня дошло, что дезертиров и солдат НКВД ставили друг с другом.

Ведь если бы дезертиров не предупредили о возможном нападении, то солдаты НКВД, съевшие собаку на таких нападениях, легко и без особых потерь захватили бы лагерь дезертиров.

Сколько точно солдат НКВД погибло и было ранено, мама не знает, но трупы солдат увозили на грузовиках, кузова грузовиков были завалены погибшими солдатами под завязку, и грузовиков было много.

Мама слышала, что несмотря на очень интенсивные допросы, дезертиры не смогли сказать, кто их предупредил о возможном нападении.

Возможно, что дезертиры, общавшиеся с этим неизвестным, все погибли во время штурма лагеря дезертиров.

* * *

Второй эпизод, а возможно, и не второй. Война 1941—1945 гг.

Время было страшное. Странствуя по пыльным дорогам, моя мама и моя бабушка набрали на гигантское зернохранилище. Сюда свозили зерно со всех окрестностей. Мама и бабушка устроились на работу на это зернохранилище.

Об этом времени мама вспоминает, что приходилось работать по 10—14 часов в сутки, уставали ужасно, работа, работа, работа. Единственно, что было хорошо, это то, что они были сытыми, а в то голодное время это было немало.

Работа на зернохранилище была очень тяжёлой, мама вспоминает, что после работы она сразу спала без задних ног. Мама не помнит, сколько они там проработали, от тяжёлой работы так уставали, что дни просто сливались в одно время. Возможно, они проработали на этом зернохранилище месяц, а возможно и три месяца.

Каторжная работа на зернохранилище закончилась внезапно.

Мама рассказывала своему сыну, то есть мне, что однажды ночью после тяжёлой работы она уснула, однако ночью её разбудила её мама.

Моя бабушка тормозила свою дочь, а когда мама окончательно проснулась, то бабушка объявила ей, что они покидают это зернохранилище этой ночью.

Мама крайне удивилась и сказала своей маме:

– Да тут такая охрана, что мышь не проскочит.

Действительно, зернохранилище охраняли как стратегический объект военный, там не то, что мышь, – муха не пролетит. Ведь зерном обеспечивалась вся Красная армия СССР, это был хлеб для бойцов, сражающихся против гитлеровцев. Вы представляете уровень и степень охраны подобного зернохранилища, тем более в то страшное время?

Однако бабуля подняла доченьку, и они пошли. Мама была уверена, что их окликнут, задержат, но к величайшему удивлению они вообще не встретили никаких охранников.

Вот так мама и её мама свободно вышли из этого стратегического военного объекта.

Мама и бабушка шли всю ночь, удаляясь от зернохранилища, они шли, шли, шли. Мама очень устала, – что вы хотите от маленькой девочки. Очень устав, мама обернулась назад и увидела зарево. Там, где располагалось зернохранилище, было зарево. Зарево во всё небо.

– Что это такое? – удивлённо спросила моя мама свою маму. Однако бабуля промолчала.

Девочка пристально всматривалась в это зарево, и вдруг до неё дошло: да ведь это пожар на зернохранилище.

Они пошли дальше по пыльным дорогам, шли, шли, шли.

Внезапно молодая мама сказала девочке:

– Мы с тобой вовремя ушли с этого зернохранилища. Ты представляешь, что с нами было бы, если бы пожар застал нас внутри зернохранилища?

Моя мама оглянулась на огромное зарево и поняла, что если бы они остались там, то наверняка бы сгорели.

Маленькая девочка подумала: какое счастье, что они вовремя покинули это зернохранилище, какое счастье, вот ведь повезло.

Уже потом, позже, мы узнали, что зернохранилище полностью сгорело, пожар был страшный, погибло очень много людей, ущерб был просто огромный. Сгорело очень много зерна. Красная армия не получила хлеба с этого зернохранилища.

Моя мама слышала, что НКВД расстреляло много ответственных работников, как врагов народа, допустивших этот пожар. Моя бабушка сказала моей маме;

– Какое счастье, что нас там не было во время пожара. Если бы мы там были и остались в живых, то лучших кандидатов на роль поджигателей и искать не надо.

* * *

Третий эпизод, но возможно, и не третий. Война 1941—1945 гг.

По пыльным дорогам СССР бредут беженцы—эвакуированные, маленькая девочка и ее молодая мама.

Дороги, дороги, дороги.

Моя мама рассказывала своему сыну, то есть мне, что дорога привела их к городу Чапаевск.

Бабушка решила осесть в Чапаевске на время.

В Чапаевске моя бабушка сняла комнату, и мы там поселились.

В нескольких километрах от Чапаевска располагался секретный завод.

Хотя моя мама в то далёкое время была маленькой глупой девочкой, но даже до неё дошло, что с такой биографией, как у моей бабушки, устроиться работать на секретный военный завод, это просто безумие.

С такой биографией, как у моей бабушки (в то время она была молодой женщиной), если станет известна её настоящая фамилия, то можно получить десять лет без права переписки, или 15 лет лагерей в лучшем случае.

Даже спустя двадцать лет моя мама не понимала, каким образом её молодая мама устроилась работать на этот сверхсекретный военный завод, как её туда пропустили, каким образом первый отдел, ответственный за благонадёжность, пропустил такого человека с такой биографией, это просто нонсенс.

Так или иначе, но бабушка стала работать уборщицей на этом заводе.

Моя бабушка много рассказывала об этом заводе моей маме, а через двадцать лет в городе Минске моя мама рассказывала своему сыну, то есть мне, об этом времени.

Как оказалось, главной продукцией этого завода была взрывчатка. На заводе, в цехах и лабораториях, производили различные марки взрывчатки.

Взрывчатку производили для снарядов, существовали самые различные виды снарядов.

Взрывчатку производили для авиабомб, существовали различные виды авиабомб.

Взрывчатку производили для торпед, которые врезались в корабли и взрывались.

Взрывчатка производилась для мин, а миномёты стреляли минами. Существовали различные виды мин.

Взрывчатка нужна для ручных гранат, лимонок, противотанковых гранат.

Взрывчатка нужна для противопехотных мин, и для противотанковых мин.

Взрывчатка нужна для всего, что взрывается.

Из этой взрывчатки производили динамит, тол, тротил.

Бабушка рассказывала, что на заводе были огромные чаны, в которых производили взрывчатку.

На заводе работало много выходцев из Средней Азии – узбеки, таджики, киргизы, казахи, туркмены.

Моя бабушка рассказывала, что среди выходцев из Средней Азии было очень много несчастных случаев.

Взрывчатка создавала очень необычный специфический запах в цехах завода.

Даже внутри цехов находилась внушительная охрана.

В цехах соблюдались строжайшие меры технической безопасности.

Чтобы пройти на завод, нужны были особые пропуска.

Моя бабушка рассказывала, что внутри в цехах существовали свои секретные цеха и лаборатории, что в эти сверхсекретные лаборатории пропускали только по сверхсекрет-

ным пропускам. Те пропуска, по которым пропускали бабушку и обычных работников завода, не действовали на сверхсекретных лабораториях.

Охрана имела право на персональный обыск.

Женщины охранники обыскивали женщин до женских интимных мест и других отверстий.

Охранники мужчины делали то же самое с мужчинами-рабочими, смотрели все интимные места у мужчин.

Моя бабушка рассказывала, что в огромных чанах производили взрывчатку, в чаны закладывали много различных компонентов, а потом смешивали все эти различные компоненты и в результате получалась взрывчатка. Это был очень опасный процесс, малейшая ошибка и пух, пух, пух.

Не знаю, правда ли всё это, или бабушка возможно приукрашивала рассказ об этом страшном заводе.

Так или иначе, но бабушка проработала на этом заводе ещё много месяцев..

Возможно бабуля проработала бы на этом заводе ещё долгое время, но однажды вся работа закончилась.

Моя мама вспоминает: это был обычный рабочий день, бабушка отработала свою смену и отдыхала на квартире в Чапаевске.

Мама была вместе со своей мамой. По улицам города ходили люди – прохожие.

Как вдруг вся земля подпрыгнула, дома подпрыгнули и началось светопреставление, весь город подпрыгнул.

Мама рассказывала: на улице бегали люди, как вдруг (мама это описывала, как непосредственный свидетель) у бегущих по улицам людей чем-то отрывало головы, мама из окна дома видела десятки людей, десятки людей с оторванными головами, валявшихся на улице.

Но ведь город был большой, а мама жила только на одной улице города, можно представить себе, что творилось на других улицах Чапаевска.

Потом пришел грохот, да такой, что у очень многих выживших людей просто лопнули барабанные перепонки в ушах, впрочем всё это обнаружилось уже после окончания этого светопреставления.

Настоящая правда выяснилась много позже.

Оказывается, сверхсекретный военный завод, находившийся в нескольких километрах от Чапаевска, взорвался.

Представьте себе, весь завод, все его цеха перестали существовать, просто испарились, на месте огромного завода остались пустыня и огромный котлован.

Как стало известно много позже, взрыв произошёл в тот момент, когда одна смена рабочих покидала завод, а другая, наоборот, заходила на этот завод.

Настоящая правда выяснилась много позже.

Таким образом, полностью погибло две смены рабочих этого завода.

Сколько людей погибло в результате этой катастрофы, данные были засекречены вышестоящими органами

Вообще об этой катастрофе вышестоящие органы предпочли забыть, как будто её и не было.

Бабуля предполагала, что погибло 10—15 тысяч рабочих и жителей Чапаевска.

Говорят, что проходило следствие по взрыву завода, но следствие ничего не выяснило.

Взрыв был такой силы, что там и расследовать уже было нечего.

Была ли это диверсия или просто несчастный случай, установить было нереально.

Весь завод, располагавшийся на нескольких километрах, просто испарился, исчез, такова была сила взрыва.

Во время взрыва завода образовалась взрывная волна, которая пошла с места взрыва, уничтожая всё вокруг, всех людей.

Чапаевск находился в нескольких километрах от завода, но волна дошла до города, именно эта волна отрывала головы у людей на улицах Чапаевска.

По словам моей мамы, взрывная волна, если заставала людей на открытой местности, то убивала людей.

Однако если у человека была возможность как-то спрятаться, быть в помещении, упасть в канаву, то многие уцелели, примером служит моя мама и её мама, по ним прошла взрывная волна, но они находились в помещении и поэтому спаслись, хотя мама и её мама временно оглохли и очень себя плохо чувствовали в течение нескольких дней.

Взрывная волна по предположению моей мамы убивала людей в радиусе пяти километров от эпицентра, но это только предположение моей мамы и её мамы, правда это мнение основано на словах других уцелевших людей, ведь бабушка после катастрофы вела разговоры с другими уцелевшими людьми.

Во время катастрофы в Чапаевске не было известно о Хиросиме и Нагасаки, но взрывы в этих двух японских городах, сейчас мы это знаем и понимаем, очень похожи на взрыв в Чапаевске, вот только радиации в Чапаевске не было, а так ну очень большое сходство.

Ущерб для СССР был огромный, впрочем, вы сами это понимаете. Говорят, что было следствие по этому взрыву, однако все непосредственные ответственные за этот завод погибли при взрыве этого завода. Под суд угодили дальние начальники, ответственные за этот завод.

Время было военное – страшное, да ещё это было время Сталина, Берии, НКВД, в общем, вы понимаете, сколько полетело голов ответственных чиновников, сколько угодило в лагеря, вы только представьте себе.

А на допросах в НКВД эти люди давали показания на самих себя, признаваясь в халатности и других злоупотреблениях, называли других людей, ответственных за этот взрыв.

Видимо, НКВД нашло ответственных за этот взрыв завода, а по-другому и быть не могло, в НКВД все давали нужные показания, или почти все.

Моя мама не раз говорила мне, своему сыну: какое счастье, что во время взрыва этого завода моей бабушки не было на месте, вот ведь повезло.

Сразу после взрыва мама и её мама покинули Чапаевск, все документы об их работе были уничтожены во время чудовищного взрыва.

И снова маленькая девочка и её молодая мама бредут по пыльным дорогам СССР.

* * *

Четвёртый эпизод, а возможно и не четвёртый. Война 1941—1945 гг.

Когда это было – неизвестно, мама не помнила этого. Мама и её мама шагали по землям Мордовии.

Мама помнит, что была зима, на улице был сильный мороз. Эвакуированных поселили в доме одной старой бабки. Мама помнит, что была зима.

Мама рассказывала, что два дня они с её мамой голодали, есть было нечего, а тут ещё и сильный мороз.

В избушке, где их поселили, было шаром покати. Хозяйка этой халупы, древняя бабка, лежала на тюфяке и не вставала.

Мама вспоминала, что её мама ушла на улицу по избам, добывать хотя бы краюху хлеба, а моя мама осталась в этой халупе с древней бабкой.

Мама вспоминает, что искала в избе старой карги хоть крошку хлеба, но изба была совершенно пуста.

Поняв, что хлеба в избе нет, маленькая девочка открыла дверь халупы и вышла на улицу, и – о чудо! – она увидела крынку, висевшую на стене избы. Мама подбежала к крынке и заглянула в неё, и – о чудо! – в крынке было молоко, крынка, полная молока.

Молоко было очень холодным, в молоке плавали куски льда.

Моя мама вспоминает, что схватила крынку с молоком и прямо там же на месте выпила её всю.

Когда мама рассказывала об этом случае, я не придавал особого значения этим словам своей мамы, ну выпила крынку холодного молока, ку и что.

И только много лет спустя я задумался об этом случае. К тому времени я был уже взрослым.

На улице стояла жара, было лето, в магазине, в который я зашёл, продавался молочный коктейль. Мороженое смешивали с соком, вставляли большую кружку в аппарат, аппарат начал размешивать эту смесь, и люди потом эту смесь пили.

Должен сказать, что до этого времени я никогда не пил молочный коктейль с мороженым. Когда я выпил коктейль, мне очень понравилось, и я вспомнил рассказ моей матери о том, как она выпила целую крынку холодного молока на морозе. Коктейль мне очень понравился, и я купил и выпил ещё одну кружку с молочным коктейлем.

А к вечеру я заболел, врачи диагностировали двустороннее воспаление лёгких и сильнейшую ангину. Я сразу всё понял и рассказал о двух стаканах молочно-мороженого коктейля.

– Ну, парень, ты и дубина, – сказали мне врачи. – Только очень здоровые люди могут позволить себе такой молочный коктейль.

Они сказали, что я не первый такой заболевший. Многие, выпившие такой коктейль, получали сильнейшую ангину, другие – воспаление лёгких. Врачи заявили мне, что пить холодно-лединистое молоко ну очень опасно. Можно пить холодную воду, и это хотя и опасно, но не очень, но пить холодное молоко – это смертельный риск.

В общем, меня лечили антибиотиками, прогреваниями и я пошёл на поправку, но врачи меня предупредили на будущее не пить молочные коктейли ни в коем случае, если хочешь жить.

Вот так я чуть не сыграл в деревянный ящик.

Вот тогда я вспомнил о воспоминаниях моей мамы, о том, как она выпила целую крынку ледяного молока, да ещё и на сильном морозе.

Как ни странно, мама не заболела никакими воспалениями лёгких и ангиной, и это в то страшное время.

Вот только тогда я оценил степень здоровья моей мамы.

Да, всё познаётся в сравнении, это каким же величайшим здоровьем надо обладать, чтобы на сильнейшем морозе выпить целую кринку ледяного молока и не заболеть.

* * *

Прочитав четыре первых эпизода, вы, наверное, уже догадались, каким страшным человеком была моя бабушка, каким чудовищем. На счету моей бабули десятки тысяч погубленных жизней, а возможно и больше. Ведь вся её жизнь – это сплошная фальшивка, в каком году она родилась – неизвестно, где родилась – неизвестно, её настоящая фамилия неизвестна.

Кто такая моя бабуля, я начал догадываться только после её смерти. Возможно, и моя мама не знала, кто такая моя бабушка, но определённые подозрения у моей мамы, возможно, и были.

* * *

Пятый эпизод, а возможно и не пятый. Время действия 1960 г.

События в Загорске

Я, Пронский Виктор Васильевич, родился 16 апреля 1954 г. В городе Загорск. Моим отцом был Пронский Василий Дмитриевич, офицер ракетных войск, он родился в 1929 г. в Курской области или в городе Курск.

Моей мамой была Цибик Наталья Викторовна (настоящее имя Наран), родилась в городе Улан-Батор, 18 октября 1930 г. в Монголии.

Моей бабушкой была Цибик Анна Викторовна, родилась 11 июля 1908 г. в городе Москва.

Однако же фамилия Цибик – это выдуманная фамилия, никогда не существовавшая.

Эту фамилию выдумала моя бабушка, так как её мужа звали Тимур Дализевег. А за такую фамилию можно было получить 10 лет без права переписки или 15 лет лагерей на Колыме, в лучшем случае.

Что я помню из своего детства: мы жили в бараке на Скобянке. Мой отец жил вместе с нами, моей мамой и бабушкой. Война уже закончилась, но всё равно жизнь была не сахар.

Что делали моя бабушка и её дочка в течение всего этого времени – неизвестно, где ходили, где странствовали все эти годы – неизвестно. Однако, зная, кто такая была моя бабушка, можно предположить самое страшное и кровавое.

Мне было примерно шесть лет или семь, когда всё изменилось. В один из дней в барак прибежал мой отец, он был испуган до ужаса.

Недалеко от самого Загорска находится строго секретный военный завод. Мой отец там работал, кстати по знакомству мой папа, как свою родственницу, устроил на этот завод работать мою бабушку.

На какой должности моя бабушка там работала, я не знаю. В конце концов, мой отец устроил мать своей жены на какую-то незначительную должность.

Сам он занимал достаточно ответственную должность на этом секретном заводе, должность называлась военпред.

Я хорошо помню этот решающий разговор, за столом собрались моя бабушка, моя мама и мой папа.

Мне тогда было шесть лет, и я тогда слушал этот разговор, многое я тогда не понял из разговора, но хорошо запомнил.

Много я понял только через 15 лет, но многое я понял уже тогда.

Суть разговора была в том, что мой отец с ужасом рассказал моей маме (жене) и моей бабушке о том, что произошло на этом секретном заводе.

А там произошла или диверсия, или несчастный случай, или авария, что там вышло из строя на этом заводе, отец не знает, что там испортилось, но на заводе был объявлен грандиозный аврал.

Весь завод стоял на ушах, но повреждение удалось предотвратить в самый последний момент, причём погибло несколько ответственных учёных, предотвративших эту аварию. Своей жизнью учёные-герои предотвратили грандиозную катастрофу. Если бы аварию не предотвратили, то всё население Загорска погибло бы.

Отец часто произносил слово «радиация», шестилетний мальчик в то время так и не понял значения этого слова, зато очень много времени спустя, вспоминая этот разговор, я понял значение этого страшного слова.

Спустя 15 лет я понял моего отца.

Спустя десятилетия, я понял, о чём говорил мой отец, а в то время я ничего не понял.

Отец заявил, что в случае катастрофы страшная радиация обрушилась бы на Загорск и погубила бы всё его население.

Но и это ещё не всё. По словам моего отца, страшная радиация могла распространиться на много десятков километров от эпицентра. Отец говорил, что радиация просто так не уйдёт, вся радиация – это надолго, на многие десятилетия вперёд. Вся история СССР изменилась бы, если бы завод в Загорске взорвался бы. Погибло бы слишком много народа, такое не скроешь и не запретишь. Об общем ущербе для СССР я и не говорю, он был бы просто чудовищен.

Ну и надо учитывать, что образовалась бы огромная зона сплошной радиации, причём эта зона находилась бы совсем рядом со столицей СССР, городом Москва. Так что столицу пришлось бы переносить в безопасное место.

Мой отец, моя мама, моя бабушка разговаривали за столом. И тут я услышал, как моя бабушка сказала: как хорошо, что учёные на заводе сумели предотвратить взрыв этого завода, ведь если бы завод взорвался, то мы бы тут не сидели и не разговаривали бы, мы бы все уже были мертвы.

После таких слов бабули разговор как-то сразу прекратился.

Бабушка спросила моего отца, как погибли те учёные, что предотвратили катастрофу, эти герои.

Отец замялся и сказал, что точно этого не знает, но по непроверенным слухам, они получили огромную дозу радиации.

Я, шестилетний мальчик, слышал эти слова (огромная доза радиации), но так и не понял в то время, что это означает, и только через очень много лет, уже будучи взрослым, я понял, что означали эти слова (огромная доза радиации).

А затем мой отец добавил: после всех этих событий на заводе началась грандиозная проверка, работников увольняют десятками, даже мы, военпреды, чувствуем себя плохо.

Бабушка спросила моего отца, а как она. Папа смутился и сказал, что он в нынешнем положении ничего сделать не может, если бы не эта катастрофа, то да, он бы смог, но когда на заводе творится такой скандал, то бабушку скорее всего уволят, и сделать ничего нельзя, проверки идут за проверками.

– И ещё, – добавил мой папа, – говорят, что тела тех учёных, что спасли завод, были в таком страшном положении, что просто вызывали дикий ужас у всех, кто их видел. Я, правда, их не видел, рангом не вышел, но знающие люди утверждали, что на них просто было страшно смотреть. Говорят, но я сам подтвердить не могу, что когда спасатели, одетые в защитные скафандры, добрались до этих учёных и увидели их, то вот они начали блевать, блевать, блевать прямо внутрь скафандра. И их пришлось всех оттуда эвакуировать, так как в заблёванных скафандрах люди не могли работать. Пришлось вызывать другую группу спасателей.

Правда, всё это только слухи, – добавил мой папа. – Возможно, всё это враньё.

Ходят слухи, что вся эта катастрофа – дело рук вредителей, диверсантов или шпионов.

Однако, как вы понимаете, высшее руководство было не заинтересовано в том, чтобы версия о диверсантах или шпионах подтвердилась, ведь если это была диверсия, то полетят такие высокие головы, что ого-го-го-го-го.

Папа считал, что комиссия скорей всего выдаст версию о несчастном случае, стечении обстоятельств, – в общем, дикая случайность. В случае такой версии событий голов полетит меньше, да и сам завод отделается лёгким испугом.

Ну, а если это был диверсант, то тут лёгким испугом не отделаешься, начнётся такое.

Как вы догадываетесь, бабушку уволили с завода.

* * *

Эпизод шестой, а возможно и не шестой

Время 1960—1961 гг.

Станция Зеленоградская.

После всех этих событий бабушка высказалась, что из такого опасного места, как Загорск, надо переехать в более безопасное место.

Надо быть подальше от Загорска, а то вдруг опять какая-нибудь утечка радиации.

Мама и её мама начали искать место подальше от Загорска.

В результате интенсивных поисков такое место нашли. Это станция Зеленоградская, ул. Туристов, д.1. От дома до платформы Зеленоградской – сто метров. Дача принадлежала некоему генералу Трофименко. Деньги на покупку этой дачи дали мой отец, мама и бабушка.

Вскоре всё наше семейство переехало на эту дачу. Папа, правда, остался жить в Загорске.

Моего папу не уволили с завода, он даже получил новое воинское звание – майор ракетных войск, и остался военпредом на заводе.

Время от времени папа приезжал из Загорска к нам на платформу Зеленоградская. Благо дом был рядом с платформой.

Посёлок Зеленоградский, ул. Туристов, д.1, здесь моя мама и бабуля и обосновались.

Я поступил в Зеленоградскую школу в первый класс, возраст подошёл.

В школе задавали много уроков, и было нелегко.

А потом я обратил внимание, что к нам стал часто заходить участковый милиционер. Фамилию его я не помню, но он показался мне человеком очень высокого роста. Во всяком случае, когда мой папа приезжал из Загорска и они встречались на этой даче, то милиционер был выше и здоровее моего отца.

Этот милиционер зачастил на нашу дачу и вёл разговор с моей бабушкой. Как выяснилось, оказывается вся дача генерала Трофименко была оформлена именно на бабушку.

Как выяснилось позже, деньги на дачу в основном внесла именно бабушка, а вот только откуда она их взяла.

Каждый божий день участковый приходил на дачу и беседовал с бабушкой.

Участковый беседовал с бабушкой и интересовался о том, где бабушка раньше жила, сколько она зарабатывала на других работах, интересовался, где работает мой отец, много ли он зарабатывает. Где работала моя мама раньше и какая у неё была зарплата.

Хотя я в те времена ходил в первый класс, но я видел, что все эти посещения и странные вопросы участкового очень нервируют мою бабушку и маму.

В то время я так и не понял, почему участковый так привязался к моей бабушке, и только много лет спустя до меня дошло.

Сама дача Трофименко только называлась дачей, а на самом деле это была настоящая усадьба.

Судите сами. Огромный дом с четырьмя просторными комнатами. Паровое центральное отопление, отопительный котёл на чердаке. Веранда, коридор, кухня.

Рядом ещё один дом, раньше в этом доме при генерале находился его личный автомобильный гараж с машиной. А в этом же гараже находилась большая комната, где жили шофёры, обслуживающие автопарк генерала Трофименко.

Кроме того, вся эта усадьба была огорожена высоченным деревянным забором высотой три метра.

Вся эта усадьба находилась на территории, равной одному гектару земли.

Кроме того, огромный огород, десять яблонь, десять кустов со смородиной. Много кустов малины, десять больших грядок с клубникой, большое поле для выращивания картошки.

Только спустя очень много лет, будучи уже взрослым, я понял, почему участковый так зачастил на эту дачу.

Эта дача стоила огромных денег для того времени.

Милиционер был не дурак, и он сразу понял, что у нашего семейства (мама, бабушка, папа) просто не могло быть столько денег на покупку этой дачи, и он был прав.

Но в то далёкое время я ничего этого не понимал, для меня улыбчивый и весёлый дядя милиционер был приятной личностью. Тем более, что бабушка была с этим милиционером добра и уступчива, она угощала его водкой и закуской, они вместе выпивали водку, иногда к ним присоединялась моя мама, были случаи, когда к выпивке присоединялся мой папа (когда приезжал из Загорска).

Много позже, будучи взрослым, я понял, что эти частые застоля на самом деле были хитрыми мягкими допросами со стороны опытного следователя участкового.

Судя по всему, за весёлым застольем участковый вёл хитрый допрос, задавая хитрые, провокационные вопросы, он собирал данные о нашем семействе.

Видимо ещё раньше он понял, что наше семейство не имело реальной возможности купить эту дачу.

Возможностей купить дачу у нашего семейства не было никаких, но купили, заплатили наличными и теперь проживают. И участковый сделал стойку.

Вся эта бодяга продолжалась несколько месяцев.

Участковый всё вынюхивал, вынюхивал, вынюхивал.

Бабушка при виде участкового улыбалась и приветствовала его.

Однажды участковый не пришёл в обычное время к нам на дачу, что было очень странно.

Бабушка удивилась, а много позже по посёлку пошли слухи, что участковый повесился у себя в доме, покончил жизнь самоубийством.

В то время мне было семь лет, глупый мальчишка, но даже у меня возникло подозрение, что этот участковый не мог покончить жизнь самоубийством.

Я вспоминал его, весёлого и улыбчивого, и не верил, что такой человек мог покончить жизнь самоубийством, он повесился.

Удивительно, но я встретился с участковым на нашей даче, во время встречи я пожаловался ему на трудные задания, участковый предложил мне свою помощь в решении классных уроков, я согласился, а на следующий день он покончил жизнь самоубийством.

Конечно, я никому не стал говорить своё мнение по поводу самоубийства участкового.

После самоубийства милиционера, больше никто не приходил к нам на дачу и не донимал мою бабушку каверзными вопросами.

Какие цели преследовал участковый, возможно это был шантаж, подоить богатых клиентов.

Возможно, он хотел вывести на чистую воду жуликов, то есть наше семейство.

Не знаю, к каким выводам пришло начальство умершего участкового. Возможно, они поверили в самоубийство участкового.

Конец.

* * *

Эпизод седьмой, а возможно и не седьмой

Миссия в Минск

Как я, семилетний глупый мальчик, оказался в Белоруссии, а потом в Минске, я опишу немного попозже, а пока.

Итак, я и моя мама оказались в Минске. Как потом стало известно, у моей мамы оказался любовник, откуда он взялся, а чёрт его знает.

Спустя много десятилетий, вспоминая это время, я много думал, взвешивал, сопоставлял и пришёл к шокирующему предположению, а не причастна ли ко всему этому моя бабушка.

Не бабуля ли подсунула моей маме этого любовника-белоруса, чтобы отправить мою маму в Белоруссию.

Там, в Белоруссии, у мамы появилось много знакомых, в том числе Анна Константиновна Мелешко, бывшая партизанка, участница партизанского движения в Белоруссии во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Откровенно говоря, в то время я ни о чём не подозревал, и только через многие десятилетия, сопоставляя все события в Минске, скрупулёзно их просеивая, я задумался.

Во-первых, кто такая эта Мелешко. Она сама рассказывала, что она была разведчицей в партизанском отряде, принимала участие в подрывах немецких эшелонов, в которых перевозили германских солдат, участвовала в десятках нападений на немецкие боевые автоколонны, участвовала в десятках засад на немецких солдат.

Я учился в школе в Минске, а классной руководительницей в классе, в котором я учился, была Анна Константиновна Мелешко.

Нередко на уроках в классе, она рассказывала всему классу о своих партизанских подвигах. Весь класс слушал её, раскрыв рот.

То, что она рассказывала, несколько отличалось от того, что говорилось в то время о партизанах Белоруссии.

По словам Мелешко, партизаны Белоруссии были крайне жестоки, совсем не так описывали партизан в официальных сообщениях, в книгах, газетах, радио, в кино.

Так Анна Константиновна рассказала нам об одном случае, добавив, что это был не единственный случай.

В партизанском отряде разоблачили немецкую шпионку. Будучи белорусской, она работала на немцев, из-за неё погибло много партизан и мирных жителей, немцы их всех расстреляли.

Состоялся партизанский суд, приговор – расстрел.

Однако вместо расстрела её увели в лес и посадили на муравьиную кучу, живой.

Она орала так, что было слышно за километр, муравьи пожирали её три дня.

Или ещё, очень часто партизаны казнили своих полицаяев, которые служили немцам.

В официальных сводках сообщалось, что партизаны поймали и по приговору трибунала казнили предателя своего народа, немецкого холуя.

Однако Мелешко рассказывала, и сама участвовала в десятках таких казней немецких холуёв, но Мелешко добавила, что партизаны убивали и всю семью этого предателя, жену, мать, отца, деда, если он был, расстреливали всех детей этого немецкого холуя. Убивали даже грудных детей.

Вы спросите, а как на такой беспредел реагировали отцы-командиры? А никак.

Когда немцы или полицаи попадали в плен к партизанам, то они все давали правдивые показания, партизаны умели допрашивать своих врагов.

И всё равно всех пленных расстреливали.

Мелешко не отрицала, что расстреляла не менее 30 таких пленных.

Впрочем, партизаны полицаев в плен почти не брали.

Мелешко рассказывала, что существует мнение, что все немцы – это звери-убийцы.

Она подтверждала это мнение, но утверждала, что обычные немецкие солдаты очень сильно отличались от немцев, одетых в чёрную форму, вот эти были зверьё, а обычные солдаты – это просто солдаты.

Но партизаны ненавидели хуже эсэсовцев своих местных полицаев.

К тому же эти местные холуи были для партизан даже опаснее, чем немцы-эсэсовцы. Ведь они были свои, местные, и знали многое, и выдавали патриотов немцам, на смерть.

Анна Константиновна рассказывала, как ходила в партизанские рейды по оккупированным землям немцами.

Как врывались в города и деревни, где стояли немецкие гарнизоны, как брали на ножи немецких часовых, как бились на улицах и в домах, убивая немцев и полицаев, она, Мелешко, много раз сходилась в рукопашной с немцами. Если успеешь первым выстрелить – то молодец, а если нет, то в дело шли ножи, камни – всё, что было под рукой.

При нападениях партизан немцы часто спасались, прятались в домах, эти дома закидывались гранатами и бутылками с зажигательными смесями (бензин и керосин).

Как потом добивали раненых фашистов, после окончательной победы в селе или городе.

Рассказала она и о бое с карателями-эсэсовцами, в котором она была тяжело ранена, а весь партизанский отряд был почти уничтожен карателями, их спасло просто чудо.

Мелешко рассказывала: на их отряд внезапно напали немцы, как она думает, не обошлось без предательства среди партизан.

Немцы без шума уничтожили сторожевые посты партизан и хлынули на отряд, тут бы нам и конец пришёл бы, но партизанам очень повезло – на месте прорыва немцев оказалось небольшое минное поле, о котором каратели, судя по всему, не знали.

Эсэсовцы шли тихо, видимо, хотели захватить партизан без стрельбы, и им бы это удалось, но там оказалось минное поле.

Анна Константиновна рассказывает:

– Внезапно рядом с лагерем раздался взрыв, потом второй, потом третий. Партизаны всегда готовы к бою, в общем, успели мы вовремя к месту прорыва немцев, сошлись прямо нос к носу, в упор, это была резня. Последнее, что я помню в том бою – это огромный эсэсовец, бегущий на меня, он был выше меня на две головы, патроны в автомате у меня уже закончились, всё использовала, там решали мгновения. Выхватила финский нож и всадила его в пах по самую рукоятку, а дальше потеряла сознание.

Как стало известно много позже, нашему отряду очень крупно повезло, иначе немцы бы всё равно перебили бы весь отряд, уж очень их было много.

В общем, неподалёку проходил другой партизанский отряд, и вдруг они услышали взрывы и стрельбу.

В общем, ребята пришли нам на помощь и ударили карателям в спину.

Когда я очнулась, подумала сначала, что попала в плен, но потом поняла, что это были свои.

В том бою я получила ранение в бёдерную артерию и потеряла почти всю свою кровь.

Меня спасли чудом, впрочем, весь наш отряд спасся чудом.

Вот такая была героическая женщина Анна Константиновна.

Кто-то из ребят в классе спросил Анну Константиновну:

– А вы были знакомы с Константином Заслоновым?

– Нет, знакома с ним я не была, но видела его два раза.

О Константине Заслонове снят художественный фильм.

– А правда, что он был таким, как в фильме?

– Да, – сказала учительница.

Фильм снят на документальной основе, но фильм кончается, где Константин Заслонов уходит в партизанский отряд.

В фильме нет его, как партизана в лесах, в фильме он подпольщик в городе.

При одном только его имени немцев просто трясло от ужаса, они объявили за него огромную награду. Да, вот это был герой.

Благодаря его действиям, немцы потеряли тысячи, если не десятки тысяч солдат, а уж материальный ущерб вообще заоблачный.

Константин Заслонов был очень крупным партизанским командиром.

Анна Константиновна грустно улыбнулась:

– А я была рядовой партизанкой, каких было тысячи. Вы, наверное, смотрите на меня сейчас – дородная женщина. А в те времена я была совсем маленькая и худая, меня в отряде называли пигалица.

Как вы, наверное, понимаете, то, что здесь написано – это всего лишь малая часть партизанской деятельности Мелешко.

И тут Анна Константиновна сказала:

– Зато я была знакома с Машеровым. В те времена он был одним из руководителей партизанского движения Белоруссии. Я знала его, он знал меня.

– Машеров, так он сейчас Генеральный секретарь коммунистической партии Белоруссии, – сказал кто-то из учеников в классе.

Когда я оказался в Минске вместе с мамой, то именно тогда мама стала рассказывать мне свои истории походов вместе с бабушкой.

Вы читали истории о дезертирах в лесу, о зернохранилище, о заводе в Чапаевске, о крынке холодного молока.

Все эти истории рассказала моя мама в городе Минске.

И ещё мама поведала мне, семилетнему мальчику, правду о моей бабушке.

Из слов мамы я понял, что фамилия Цирик – это фальшивка.

На самом деле настоящая фамилия бабушки – Бочкова или Бочкарёва. Она сочеталась браком с военным из Монголии, который учился в Твери или в Москве в академии имени Фрунзе.

После заключения брака в Твери или в Москве она приняла фамилию мужа Дашзевег, а затем они уехали в Монголию.

Моя мама сказала, что родилась 18 октября 1930 г. в городе Улан-Батор в Монголии. С этого времени и по 1934 г. моя мама и её мама проживали в Монголии.

В 1934 г. моя мама и её мама переехали в Москву и жили по адресу 2-й Зачатьевский переулок, дом 11, который принадлежал посольству Монголии.

Вот такую удивительную историю поведала моя мама своему семилетнему сыну в городе Минске.

В 1937 г. Тимур Дашзевег был арестован за контрреволюционную деятельность. Он был расстрелян как враг народа.

Моя мама рассказывала мне: до 1937 г. всё было хорошо, но после 1937 г. моя мама помнила, как её и её маму выгнали из монгольского посольства, и моя мама и её мама оказались на улице.

В Минске моя мама рассказывала эту трагическую историю семилетнему мальчику.

Хотя маме в 1937 г. было всего семь лет, она хорошо помнит все эти события.

Она рассказывала, что в монгольском посольстве у неё было много друзей среди детей, они играли вместе, веселились. Мама рассказывала, что здесь она имела имя Наран Дашзевег, это было её настоящее имя.

Вы представляете, как я, семилетний мальчик, был потрясён всеми этими рассказами своей мамы.

Конечно, я много не понимал, но многое всё же понимал.

Сейчас, вспоминая то далёкое время, я не мог понять другое: как, имея такую биографию, моя бабушка не села в лагерь лет на десять.

Семилетний мальчик многого не знал, но спустя 30—40 лет после этих событий я уже знал очень много о том страшном времени.

Каким образом, имея такого мужа, а самое главное, такой приговор, – а если вспомнить, в каких преступлениях обвинили Тимура Дашзевега, самое интересное, что он признался во всех этих государственных преступлениях, – его жена не была репрессирована?

Через много десятилетий после этих событий окончательно было выяснено, что происходило в это время. Из этого следует: если репрессировали таких фигур, как крупные военные и большие чиновники, то серьёзным репрессиям подвергались их жёны и родственники.

Жён сажали и арестовывали в тюрьму вслед за своими мужьями. Всё это носило массовый характер. Тем удивительнее, что жену заместителя министра обороны МНР не арестовали и не посадили в тюрьму.

– После того, как расстреляли папу, нас выселили из монгольского посольства, – поведала мама.

Мама рассказывала, что они поселились где-то в подвале, а потом в сарае, где проживали до 1939 г.:

– А потом нам дали по ходатайству комнату на улице Остоженка, д. 1/4, кв. 4, где мы жили до начала войны 22 июня 1941 г. Во время войны нас насильственно эвакуировали из Москвы, и мы пошли странствовать по просторам нашей Родины.

Всю эту историю мне поведала мама в Минске.

Моя мама сошлась со своим любовником ещё до Минска, когда жила на станции Зеленоградской. Любовник был из Белоруссии.

В общем, в один прекрасный день моя мама похитила меня, своего сына, и мы уехали в Минск, а бабушка осталась в Зеленоградской.

Я уже писал, что много десятилетий спустя вся эта авантюра с поездкой в Минск вызывает у меня подозрение: а не подсунула ли любовника-белоруса моей маме моя бабушка?

Конечно, это только предположение.

Так или иначе, но мама и её любовник неплохо устроились в Минске. Потом мама перетащила меня, и мы стали жить все вместе. Моя мама, её любовник и я.

Конечно, я напомнил маме о существовании папы, но мама заявила, что «это моё дело».

Потом я пошёл во второй класс, а классной руководительницей оказалась Анна Константиновна. Моя мама подружилась с Мелешко, они стали большими подругами.

Потом в Минск приехал мой папа. Моя мама и мой папа развелись в Минске, расторгли брак между собой.

Жизнь в Минске

На улицах были порядок и дисциплина. Пьяных на улицах почти не было. Если на улице были пьяные и если рядом появлялись милиционеры, то пьяные прямо на улицах трезвели.

Как я потом узнал из разговоров различных людей, если пьяных ловили на улице города, то их потом очень интенсивно обрабатывали в милиции.

Среди тех, кто попадал в милицию пьяным, за милиционерами утвердилось прозвище гестапо, и не зря.

Спустя многие десятилетия, уже в годы перестройки, много стало известно из того, что раньше скрывали.

Во время перестройки были выявлены чудовищные отклонения от социалистической законности во всех среднеазиатских республиках.

Во время допросов различных коррупционеров выяснилось, что особенно сильно коррупция расцвела после смерти Сталина.

Как известно, в составе СССР было 16 республик, все республики были поражены коррупцией, одни очень сильно, другие менее сильно. Так вот, во времена Машерова Белоруссия стояла на последнем месте по коррумпированности среди этих республик.

Машеров был очень сильной и популярной личностью. Бывший командир партизанского отряда, – партизаны под командованием Машерова наводили ужас на немецких оккупантов, позже Машеров стал руководителем партизанского движения. Машеров в Белоруссии был так же популярен, как Константин Заслонов, легендарный партизанский командир.

На посту главы Белоруссии Машеров оставался всё тем же партизанским командиром. Необычайно честный, решительный, смелый, принципиальный он был белой вороной среди вороватых глав остальных республик СССР. На их фоне он очень выделялся своей неподкупностью и твёрдыми моральными принципами, честностью.

Вспомните то время: очень скоро правитель Хрущёв будет свергнут с поста главы СССР, очень скоро это произойдёт. На пост главы правительства СССР придёт Леонид Ильич Брежнев.

Теперь, в наше время, мы все знаем, что Брежнев был слабой личностью (по сравнению с Машеровым), очень любил лесть, был подвержен влиянию других людей, был коррумпирован.

На фоне Машерова Брежнев был слабой фигурой.

Видимо, всё это понимали многие, и если бы на пост главы СССР попал Машеров, а не Брежнев, дальнейшая судьба СССР могла бы быть другой, более благоприятной. И даже если бы Машеров не стал бы главой СССР, то он мог занять очень высокий пост в правительстве СССР. Машеров был твёрдый коммунист.

Если сравнивать Машерова с другими коммунистическими правителями-чиновниками, то на ум приходит только один человек – Андропов, будущий глава КГБ. Машеров и Андропов очень похожи друг на друга.

То есть если бы Машеров остался жив, то он вполне мог стать главой СССР, или же мог занять высокий пост в правительстве СССР.

Скорей всего, в будущем СССР мы бы имели две фигуры правильных коммунистов – это Андропов и Машеров.

В устранении Машерова были заинтересованы многие, в том числе те, кто ненавидел Советскую власть и коммунистов. Ликвидация такой фигуры, как Машеров, нанесла непоправимый вред Советской власти в СССР, правда, люди это поняли только много десятилетий спустя.

Моя мама и её любовник по имени Молчалин (кажется, его звали именно так) поселились в многоквартирном доме. Я тоже был там при маме, с моим папой мама уже успела развестись.

Рассматривая ту жизнь через много десятилетий, я нахожу много странного. В то время я многого не понимал, что вы хотите от семилетнего мальчика. Но вот через много десятилетий я не понимаю, откуда у моей мамы взялись деньги на поездку в Минск и главное – купить трёхкомнатную квартиру в центре города, это всё были очень большие деньги. Да и откровенно говоря, в Минске мама не бедствовала, а вела очень хорошую жизнь. Конечно, мама уверяла меня, что часть денег пришла от любовника Молчалина, тогда эту версию я проглотил, но спустя много десятилетий я усомнился в таком богатстве Молчалина.

Так откуда мама взяла такие огромные деньги? А что, если эти деньги мама получила от моей бабушки? Если это так, то моя мама и её мама были очень хорошими актёрами. Ведь мама похитила меня у её мамы и увезла в Минск, бабушка якобы искала меня и после долгих поисков всё же нашла в Минске. А если всё это был розыгрыш, и бабуля всё знала – и о поездке в Минск, и о любовнике Молчалине?

Правда, всё это только предположение.

Не знаю, было ли это неожиданностью для мамы, а я очень удивился. К тому времени мама мне рассказала всё, что она знала о своей маме.

Шло время, и однажды совершенно неожиданно к нам в гости приехала бабушка. Впрочем, вы уже читали всё, что мама испытала вместе с бабушкой.

Бабуля быстро освоилась в Минске, как будто и не было никаких скандалов между мамой и её мамой, но я хорошо помню, что скандалы были очень серьёзные. Если всё это была игратуфатория, но как вы понимаете, в то время эти скандалы для меня были настоящей реальностью.

Бабуля подружилась со всеми знакомыми, которые появились у моей мамы в Минске.

Очень сильно подружилась моя бабушка с Анной Константиновной, во всяком случае, они стали закадычными подругами. Бабуля очень много разговаривала с Мелешко, много раз она была дома у Мелешко.

Так продолжалось несколько месяцев, было весело и хорошо.

А потом в один прекрасный день всех ошеломило сообщение по радио, телевидению.

В автомобильной катастрофе погиб руководитель коммунистической партии Белоруссии товарищ Машеров.

Люди плакали на улицах и в домах, я сам всё это тоже видел, люди были подавлены смертью своего любимца. Бабуля тоже плакала по погибшему тов. Машерову, скорбела, как все люди в Белоруссии. Потом была создана авторитетная комиссия по расследованию этой автомобильной аварии.

Созданная комиссия долго расследовала эту страшную аварию и сделала выводы, что это была случайная авария.

Однако уже тогда в народе однозначно решили, что это было преднамеренное убийство, и какие бы выводы ни делали люди из комиссии, в народе однозначно решили: автомобильная авария была подстроена.

Кто-то очень хитрый, коварный, жестокий, но очень умный устроил эту аварию.

Созданная комиссия однозначно решила: это был несчастный случай, и всё.

Поскольку авторитетная комиссия решила, что это была случайная авария, то никакого дела о покушении на жизнь тов. Машерова не было заведено, таким образом, если это было убийство, то все убийцы могли спокойно спать, их никто не искал в то время, да и много позже тоже никто не искал.

О том, сколько людей было заинтересовано в смерти молодого и злого Машерова, я уже писал, так что выводы делайте сами.

После всех этих печальных событий в Белоруссии мама, бабушка и я вернулись назад в Россию на станцию Зеленоградскую.

Лично у меня в то время все эти события не вызвали никаких подозрений. И только в годы перестройки и после событий 1991 г. я стал задумываться, и чем больше думал, тем страшней становились мои мысли.

После переезда из Минска в посёлок Зеленоградский бабушка мне много рассказывала о своём муже, то, что она рассказывала, поразило меня, бабушка рассказывала о своём муже страшные вещи.

Ещё не было никакой перестройки, а на посту главы СССР находился Л.И.Брежнев.

Как известно, Тимур Дашзевег был заместителем министра обороны МНР, первым заместителем начальника Генерального штаба МНР. В 1937 г. он был расстрелян как враг народа.

Когда бабушка стала женой Тимура, она прожила с ним до 1934 г., а 18 октября 1930 г. у них родилась дочь, моя будущая мама.

За время замужества Тимур очень много рассказывал своей русской жене о своей прошлой жизни, да и в настоящей жизни в Монголии она видела очень много.

Всё, что вы будете читать дальше, это воспоминания Тимура Дашзевега, рассказанные своей русской жене, через 40 лет моя бабуля расскажет эту историю своему внуку, который запомнит рассказ своей бабушки.

Тимур родился и жил не в Монголии, а в тогдашней России. Был ли он монголом – трудно сказать. На территории Российской империи проживало очень много разных народов и племён, вот он и принадлежал к одному небольшому племени. Это племя проживало в лесу, и всё племя было лесным народом.

Мужчины племени были великолепными охотниками и следопытами.

Однажды часть охотников отправились в лес на охоту, среди них был и Тимур.

Они возвращались с охоты весёлые и довольные, охота была успешной.

Уже недалеко от стойбища все охотники почуяли запах дыма. Когда охотники вышли на стойбище, они увидели страшную картину. Все жители племени были зверски убиты.

Картина была настолько чудовищной, что все охотники, привыкшие ко всему, просто окаменели от увиденного.

Все мужчины, и дети тоже, были обезглавлены, кастрированы, у всех были отрублены руки и ноги.

Все женщины и дети лежали с распоротыми животами и с отрезанными грудями.

У многих женщин между ног торчали глубоко всаженные палки.

Всё стойбище было залито кровью.

Все бросились смотреть следы, которые оставили убийцы, а следов было очень много, сразу стало ясно, что убийц было очень много.

Тимур рассказывал: он и все остальные охотники сразу поняли по оставленным следам – это были русские казаки.

Конечно и у Тимура, и у его соплеменников были плохие отношения с казаками, но никогда в прошлом казаки не позволяли себе такие зверства.

Тимур говорил своей русской жене, что это событие раз и навсегда изменило его судьбу и его соплеменников.

Оставалась только месть, там же на мёртвом стойбище все вернувшиеся охотники поклялись убивать русских казаков везде и всегда, не щадить их никогда, убивать, убивать, убивать.

Охотники пошли по следам убийц, чтобы узнать, из какой казачьей станицы были казаки.

То, что увидели охотники, идущие по следам убийц, потрясло их.

Они увидели русскую деревню, через которую прошли казаки.

Охотники были поражены: с русскими жителями этой деревни поступили точно так же, как со стойбищем Тимура.

Охотники никак не могли понять, почему русские казаки вырезали русскую деревню. Ну хорошо, они не русские.

Русские называют их косоглазыми обезьянами, жёлтыми макаками, это понятно.

Они не русские, но почему убивают самих русских?

Охотники пошли дальше и наткнулись на ещё одну русскую деревню, казаки вырезали и эту русскую деревню.

Охотники обратили внимание, что у мужчин были отрезаны половые органы, а затем эти половые органы засунуты и забиты в рот мужчинам.

Кроме того, у всех мужчин и женщин из животов были удалены все кишки, а вместо кишок весь живот был забит, засыпан обычной землёй.

В конце концов охотники определили, что казаки пришли из трёх казачьих станиц. Так стало ясно, кто устроил эту дикую резню. Отныне все казаки и все их близкие – наши кровники. Все, ну а эти три станицы – особые кровники.

Всех охотников очень заинтересовало, почему русские казаки вообще напали на других русских.

Предстояло всё это выяснить.

Было ясно: русские мужики будут мстить русским казакам, такого никогда раньше не было, конечно мы знали, что казаки презирают мужиков, а мужики не любят казаков, но вырезать целые деревни, да ещё с такой лютой жестокостью...

И вскоре всё выяснилось, ещё значительно раньше мы видели сходство казаков и мужиков, но и большие различия между ними.

И те, и другие были русскими и говорили на одном языке, и те, и другие были христианами.

Что касается нас, то мы были другой веры.

И казаки, и мужики имели общие обычаи.

И те, и другие были очень высокого роста (по сравнению с нами), голубоглазые, кожа у них была белая, а у нас кожа была жёлтой.

По сравнению с казаками и мужиками, охотники нашего племени выглядели карликами, заморышами.

А какие женщины были у казаков и мужиков, это просто чудо, их женщины были ростом выше наших мужчин, а какие руки и ноги, и всё остальное выше всяких похвал, одна русская женщина по размерам – это как два наших охотника вместе взятых, а какие красавицы были эти русские женщины, с нашими женщинами не сравнить.

Конечно, наши женщины были нашими женщинами. Но мы видели, что казаки и мужики очень не любят друг друга.

Но самое большое отличие – это богатство.

Казаки были очень богаты, а мужики были очень бедны по сравнению с казаками.

Казакам принадлежала почти вся земля, а мужики ютились на небольших участках земли.

У казаков огромные стада коров, лошадей, гусей и т. д.

У мужиков одна-две коровы, одна лошадь и всё.

Законы Российской империи, как оказалось, все эти законы защищали права казаков, а не мужиков, получалось, что жаловаться на самоуправство и серьёзные нарушения закона на казаков было бесполезно, всё и всегда закон решал в пользу казаков, а не в пользу мужиков.

Вот если спор шёл между мужиками и узкоглазыми, то есть нами, то тут русский закон был благосклонен к мужикам.

Надо учитывать, что мужиков было раз в десять больше, чем казаков.

И ещё казаки – это были природные воины. В станицах казаков тренировали с малых лет. Их обучали, обучали, и к 17 годам из мальчиков они превращались в первоклассных воинов, как говорят в наше время, в машины для убийств, со всеми вытекающими последствиями.

Все казаки имели своих собственных лошадей, на которых казаки и ездили, были у казаков и запасные лошади.

Вот такая вот огромная конная армия первоклассных убийц-воинов.

Казаки были обучены владению огнестрельным оружием всех видов, а также владели холодным оружием.

Русские мужики были другими, и их никто специально не обучал военному делу.

Мужики пахали землю и сеяли землю зерном, а потом собирали урожай, тем и жили.

Если посмотреть на дальневосточных казаков из нашего времени, то приходит только одно сравнение – это Спарта.

Казачьи станицы – это была Спарта.

Мы жили в лесах, были мы лесным народом, другие племена были такими же.

Русские казаки и мужики называли нас узкоглазыми обезьянами, косоглазыми макаками, жёлтыми нехристями.

Тимур рассказывал: они даже представить не могли, что противостояние русских казаков и русских мужиков закончится такой страшной войной.

Казаки были не в состоянии обрабатывать все свои владения, мужики просили власти Дальнего Востока выделить им часть земли, принадлежащей казакам – те земли, которые казаки не использовали.

Казачий круг категорически отказался выделить эти земли мужикам, это и решило судьбу дальневосточных казаков.

Тимур рассказывал: в то время его племя даже и не представляло, во что выльется этот спор из-за земли между казаками и мужиками.

Вскоре всё стало понятно, и эта жуткая бойня тоже.

Оказывается, в октябре 1917 г. произошла Великая Октябрьская революция.

Вспомните, какие декреты приняла новая власть: землю – крестьянам, фабрики – рабочим. Декрет о равном владении землёй на территории России.

Вот казаки и показали всем, как они относятся к законам новой власти.

После той резни о мире говорить уже не приходилось. Так началась лютая гражданская война на Дальнем Востоке.

Тимур и все уцелевшие охотники присоединились к вооружённым отрядам мужиков.

Конечно, мужики всё равно считали охотников Тимура жёлтыми обезьянами, косоглазыми макаками, узкоглазыми нехристями, но союзников не выбирают.

В отличие от подавляющего большинства мужиков, узкоглазые охотники знали великолепно тайгу – лес, были следопытами, очень метко стреляли, были лесными охотниками.

Тимур рассказывал, что всех их определили в разведчики, вожаки мужиков сразу поняли, что эти узкоглазые – великолепные разведчики, совсем не то, что их собственные мужики, основное занятие которых было пахать землю и засеивать её зерном.

Конечно и среди мужиков были серьёзные воины-фронтовики, но их было недостаточно много.

Отряд, в котором служили Тимур и его соплеменники, был очень успешным.

Во многом это объяснялось тем, что разведчиками в отряде были соплеменники Тимура.

Узкоглазые были глазами и ушами отряда, они чуяли засаду казаков. Что хотите – лесные охотники. Но вот другие отряды мужиков не имели таких великолепных охотников-следопытов.

Такие отряды несли огромные потери, а то и гибли в полном составе.

Тимур рассказывал: они видели десятки, сотни убитых мужиков, попавших в засады казаков. Внезапно атакованные лагеря мужиков, казаки выслеживали такие лагеря и успешно уничтожали такие лагеря.

Но вот с отрядом, в котором служил Тимур и его соплеменники, у казаков были сплошные неудачи.

Казаки устраивали засады, узкоглазые охотники чуяли эти засады и казаки, сидевшие в отлично подготовленных засадах, сами становились добычей мужиков, и так было очень много, много раз.

Мужики либо сами нападали на засады казаков, либо благополучно уходили мимо этих засад.

Отряд, в котором служил Тимур, становился всё более сильным и большим за счёт отрядов, которые разгромили казаки.

Так узкоглазые настояли на том, что если кто-то из партизан пропал, то отряд немедленно менял место стоянки, и очень часто казаки приходили на старое место стоянки, но никого не находили там.

В отряде был закон: если возникало малейшее подозрение о раскрытии стоянки отряда, то отряд менял место стоянки.

И всё же таких успешных отрядов мужиков было не очень много в первые месяцы этой гражданской войны.

На начальном этапе этой войны мужики явно проигрывали казакам.

Потери мужиков были во много раз больше, чем у казаков.

Однако существует такой закон: выживает сильнейший.

Казаки разгромили и уничтожили очень много партизан – мужиков, которые оказались недостаточно бдительными, осторожными, внимательными, хитрыми, имели плохую разведку, отсутствие всякой дисциплины.

Мужики учились воевать, оставались сражаться только самые хитрые, осторожные, внимательные, бдительные, имевшие хорошую разведку и дисциплинированные.

Выжившие в этой страшной войне мужики постепенно становились очень сильными.

Опыт выживших отрядов мужиков передавался другим, молодым партизанским отрядам мужиков.

В страшных, беспощадных боях мужики постепенно стали склонять чашу победы в свою сторону.

Лёгкие и успешные победы казаков практически исчезли, теперь для победы казакам приходилось вступать в тяжёлые кровопролитные бои с огромными потерями, но казаки всё ещё побеждали, хотя конечно не так, как раньше.

С каждым месяцем победы казаков становились всё более похожи на Пирровы победы.

Мужицкие отряды становились всё более похожи по боевой выучке на самих казаков.

В отрядах мужиков все уже стали отличными стрелками, научились великолепно владеть холодным оружием, научились точно кидать боевые ножи на пять-десять метров, разведчики стали очень опытными, хитрыми, мужики научились бесшумно снимать казачьих часовых, мужики научились устраивать успешные засады на казаков.

Тимур рассказывал: мы, разведчики, постепенно стали самой боеспособной группой во всём партизанском отряде.

Ходили мы совершенно бесшумно, чем вызывали оторопь даже у своих партизан.

У каждого разведчика было по пять-шесть боевых ножей, а как бросали эти ножи – на 20 метров точно в цель. Крепкая верёвка – для связывания пленных казаков в качестве языков. Два-три револьвера под рукой. Два-три гранаты на всякий случай. Некоторые разведчики таскали сабли, винтовки. В наш отряд присылали из других отрядов, чтобы мы обучали

огромных, неповоротливых мужиков тактике войны разведчиков, и мы их обучали, обучали, обучали.

Через год этой лютой войны Тимур с гордостью сказал, что своими руками убил 500 казаков. Причём почти всех ножом и саблей.

Мужики научились успешно допрашивать самых твердокаменных казаков.

Тимур рассказывал: через год после гибели нашего племени мы рассчитались по полной с одной из казачьих станиц – вы ведь помните, три казачьих станицы участвовали в резне, когда погибло наше лесное племя, мы поклялись отомстить, но что тогда мы могли сделать – 14 охотников против казачьих станиц, ведь казачья станица – это боевая крепость.

Казаки – страшные воины, великолепные убийцы (в бою один казак стоил пятерых обычных солдат), конечно, мы тоже были не новички – лесные охотники, вы представляете, что это означает. Однако, у нас не было опыта нападения на казачью станицу.

Через год после тех страшных событий такой опыт появился.

Да и потом в отряде было полно мужиков, люто ненавидевших всех казаков.

В отряде было немало кровников всех казаков.

Наш отряд был самым успешным, мы наводили на казаков ужас, поголовно уничтожая казачьи разъезды, посты, карательные отряды, но ни разу никто из отрядов мужиков не напал на казачью станицу.

Для нейтрализации собак в станице мы применили течных сук, этих сук мы подбрасывали в станицу, кобели станицы бросились на этих сук.

Наши ребята тихо проникли в станицу, ножами сняли дозорных и тихо пошли вглубь казачьей станицы, действовали исключительно холодным оружием.

Казаки проспали наше нападение. Всех рубили саблями, и только в самом конце нападения казаки проснулись, пришлось применить огнестрельное оружие и гранаты.

Убивали всех – мужчин, женщин, детей, стариков, старух, когда мы ушли из этой станицы, там никого не оставалось в живых.

Тимур рассказывал, что лично своими руками убил 37 казаков, возможно и больше, но проснувшиеся казаки яростно отстреливались от мужиков из своих домов, пришлось эти дома закидывать гранатами и поджигать. Тимур тоже кидал гранаты в дома.

Казаки из других станиц опоздали и пришли на помощь слишком поздно. Этой операцией мы показали всем казакам, что произошёл перелом в этой войне.

Для нейтрализации собак применяли течных сук или запах волка, почуяв запах волка, все собаки обычно убегали, мы часто применяли запах волка против собак, служащих казакам.

* * *

Тимур вспоминал: казаки умели пытать, очень часто мы находили наших бойцов страшно изуродованными, со многих была содрана кожа с живых людей, выколотые глаза, отрезанные уши, нос, выбитые все зубы, отрезанные пальцы на руках и ногах – все 20, распоротый живот, из заднего прохода торчит палка, глубоко всаженная вглубь, кастрация, страшные ожоги от раскалённого железа.

Именно тогда стало ясно, что наши люди, попавшие в плен к казакам, не выдержат таких зверств и расскажут казакам всё.

Именно тогда было решено: если предположительно наши бойцы попали в плен к казакам, то отряд меняет своё прежнее месторасположение.

Очень часто это спасало отряд.

К большому сожалению, в других отрядах командиры не меняли месторасположение отряда, и очень часто это кончалось гибелью отряда.

Наш отряд выжил в этом страшном времени, и даже стал ещё более сильным.

Казаки, попавшие в плен к мужикам, долго не жили, после допроса их обычно казнили.

Расстрелов как таковых почти не было, патронов было жалко, казаки умирали очень часто в процессе допроса, а тех, кто выживал, после допроса рубили пашками.

Практически все мужики в отряде у нас были кровниками всех казаков, так что вы понимаете, что это означает.

Если кто-то в отряде проявлял жалость к пленным казакам (что было очень редко), то такого человека сразу брали на заметку в отряде, и в следующий раз такой мужик должен был лично допрашивать пленного казака. Если допрос проходил нормально (казак страшно кричал от невыносимой боли, а потом давал показания), ну а потом испытуемый отрубал ему руки и ноги, то всё было в порядке, человек проверку прошёл.

Если испытуемый проявлял жалость к пленному, а потом не мог казнить казака, то такому добряку выносился смертный приговор.

Так было не только в нашем отряде, но и во всех других отрядах.

Тимур вспоминал, что за все годы этой войны он не видел красных казаков, они все были белые.

Впрочем, дедушка, смеясь, говорил, что он видел красных казаков, когда они лежали на земле, залитые собственной кровью, с распоротыми животами, вот это и были красные казаки.

Впрочем, дедушка признаётся, казакам Советская власть была не нужна, они, казаки, всё имели, они были богаты.

В море нищеты, бедности на Дальнем Востоке, в котором жили все остальные жители, казаки просто купались в богатстве и сытости, достатке.

Дедушка вспоминал, когда мужики входили в казачьи станицы, то все потом говорили, как богато казаки живут по сравнению со всеми другими жителями Дальнего Востока.

Вспомните знаменитый декрет большевиков (землю крестьянам, заводы рабочим), этим декретом Советская власть обеспечила себе поддержку почти всего населения России.

За большевиками пошли громадные массы безземельных крестьян, которые владели нищенское существование, и не только на Дальнем Востоке, в других районах России было то же самое.

По своей сути закон о земле, отданной огромным массам безземельных крестьян, решил эту войну в пользу Советской власти.

Если в отряде появлялись люди, которые хотели договориться с атаманами казаков, то таких людей просто тихо убивали, без всякого суда и разбирательства, кровники казаков в отряде были практически все бойцы отряда.

Правда могли и устроить проверку такому доброхоту, как проходила эта проверка вы уже читали.

Вообще все вопросы в отряде решали очень быстро, пуля в голову, в лучшем случае.

Казаки называли нас красными выродками, а мы их белой сволочью.

Если рассматривать события Гражданской войны спустя 60 лет, становится понятно, что это был по сути геноцид.

Со стороны белых это был геноцид всех красных.

Со всех сторон красных это был геноцид белых.

Дедушка вспоминает, что на стороне красных сражались красные китайцы.

Китайцы сражались хорошо, но не проявили никаких особых выдающихся качеств в боях с белыми. Были и другие добровольцы из других стран.

Однако красные китайцы нас всех всё же удивили и поразили, но не в боях с казаками, а после окончания боёв.

Тимур вспоминает: вы уже наверное поняли, какая это была война, чудовищные зверства с обеих сторон (хотя казаки начали лютые зверства первыми), но мы оказались очень хорошими учениками.

Так что удивить нас, красных бойцов, чем-то было трудно.

Однажды после жестокого боя с казаками мы взяли в плен нескольких казаков, все они были ранены.

Китайцы попросили нашего командира отдать пленных казаков китайцам.

Китайцы сказали нашим ребятам, что они работают с пленными очень грубо, очень часто казаки умирают во время допросов, так ничего и не сказав.

Китайцы показали, то, что увидели наши ребята, что китайцы сделали с пленными казаками, поразило даже партизан.

– Вот как надо допрашивать врагов, – вещал китаец.

Наши ребята долго приходили в себя от увиденного.

Тимур вспоминал: даже их пытки китайцев глубоко поразили и ужаснули.

Это было что-то запредельное, недоступное человеческому восприятию. Китайцы перецеголяли даже казаков по жестокости.

После увиденного всех китайцев определили в допросную команду в качестве дознавателей.

И надо сказать, что китайцы очень умело допрашивали пленных, никто не умирал во время этих допросов, и все давали правдивую информацию.

Командир даже отдал приказ китайцев в бой не бросать, их надо беречь по мере возможности, где ещё достанешь таких умелых дознавателей.

Нас в отряде было 14 узкоглазых обезьян. Мы обладали все сверхъестественными способностями. Мужики видели, как мы определяли засады казаков, это было за гранью человеческих возможностей.

В отряде нас называли колдунами, шаманами, мы делали такие вещи, что обычные люди говорили, что это чародейство.

В отряде нас уважали, но и боялись.

Дедушка подтверждал: мы умели изготавливать яды из трав и грибов.

Яды были быстродействующие, и действующие не сразу, а спустя много времени после принятия. Яд мог подействовать через три дня после принятия.

Некоторые из нас могли вызывать ядовитых змей и командовать этими змеями.

В тайге встречались различные существа, которые по отдельности были не опасны для человека, но если их соединить вместе, то это была смерть.

Многие из нас умели смешивать несколько лекарственных трав, в результате если человек понюхал эту смесь, то человек сходил с ума, он видел то, чего никогда не было, это был сильнейший галлюциноген, правда, человек недолго страдал подобными галлюцинациями, 20—30 минут, а потом всё проходило.

Дедушка утверждал, что он понимал язык птиц, и по тому, как птицы себя вели, он мог определить засаду казаков.

Другие соплеменники понимали язык зверей и тоже могли по поведению зверей определить засады белых.

Мужики в отряде, когда кто-то из нас проходил мимо, начинали неистово креститься и говорили: «Брысь, нечистая сила».

Со стороны было любопытно наблюдать, как наши соплеменники шли по лагерю.

Здоровенные русские мужики, когда видели узкоглазых обезьян, мгновенно уступали дорогу маленьким шуплым обезьянкам.

Командиром в отряде был бывший фронтовик, его заместитель тоже был фронтовик. Эти двое фронтовиков быстро поняли, благо примеры были наглядные, что мы, узкоглазые, очень ценны для их партизанского отряда.

Авторитет у командира был большой, когда он показывал свой кулак размером с голову обычного человека, то у всех сразу пропадали все слова.

Всех нас определили в разведчики по приказу командира, и командир никогда не раскался в таком решении.

Мы, лесные охотники, всегда просто чувствовали, когда на отряд надвигается опасность.

Почувствовав неведомую опасность, мы бежали к командиру и говорили ему, что идёт плохое на отряд, хотя кругом всё было спокойно.

Командир воспринимал наши слова всегда всерьёз и принимал меры, это спасало отряд от гибели.

Командир и его заместитель спрашивали у нас, каким образом мы чуем эту опасность, но мы отмалчивались. Это видели и слышали другие мужики в отряде, так что такое не скроешь, да и происходило это довольно часто, так что случайностью это не назовёшь.

Мы видели людей насквозь и могли сразу определить, кто есть кто: сволочь, тварь или стоящий человек.

Дедушка вспоминает: все мы умели подражать различным птицам и животным. Мы могли подражать волкам, собакам, кошкам и ещё многим животным и птицам, жившим в тайге.

Война против станичников была очень тяжёлой, и на первом этапе отряды мужиков проигрывали эту войну.

Надо помнить, что Дальний Восток очень далеко от Москвы, поэтому очень долгое время эта война оказалась забытой войной, и только когда были разбиты Деникин, Корнилов, Колчак, Врангель, Юденич и другие полководцы белого движения, Красная Армия двинулась на Дальний Восток.

Спустя несколько месяцев после уничтожения первой казачьей станицы, мы напали и полностью уничтожили вторую станицу казаков, которые принимали участие в уничтожении нашего племени.

Казачьи были очень хорошие воины, и станица очень хорошо охранялась, но и мы тоже многому научились за время этой страшной войны.

Казачью станицу мы полностью уничтожили со всем её населением, убили всех, кто там был, пленных не было, да и не нужны они были нам.

Хороший казак – мёртвый казак, говорили в нашем отряде.

Дедушка вспоминает одну русскую деревню, в которой повеселились русские казаки.

Станичники окружили одну русскую деревню, мужчин в деревне не было, одни бабы, дети, старики, старухи.

Баб затаскивали в сараи, раскладывали на полу, привязывали, чтобы не трепыхались, и у сарая выстраивалась очередь желающих женского тела.

Сараев было восемь, в каждом сарае разложили по три-четыре бабы.

Бабы сначала кричали, но после десятого обычно замолкали.

У всех восьми сараев выстраивались длинные очереди казаков. В конце концов очередь заканчивалась, все станичники получили удовольствие.

Часть женщин к окончанию процедуры была уже мертва, другие ещё живы.

Около сараев лежали палки, один конец которых был острым-острым. Для казаков началось веселье, казак брал эту палку, подходил к лежащей бабе и глубоко всаживал эту палку острым концом, обычно казаки предпочитали всаживать палку в задний проход, палку оставляли торчать в теле женщины.

Но дело на этом не заканчивалось, ведь в деревне были ещё другие женщины.

Казачьи начинали обедать и восстанавливать мужскую силу. Сытно покушав, казаки раскладывали оставшихся баб по домам, тут обычно очередей не было, пять-шесть станичников.

Бабу раскладывали обычно на полу, руки связывали и прибавляли их гвоздями к полу, чтобы не трепыхались, и начиналась работа.

После окончания работы довольные казаки уходили на ужин и, хорошо поужинав и восстановив мужскую силу, они начинали всё по новой.

Иногда бабу переворачивали на живот, для разнообразия.

Казачьи использовали своих женщин в избе по полной программе.

Незадолго перед своим уходом из деревни, казаки решали судьбу привязанных на полу женщин.

Домов было много, и в каждом доме было по-разному, всё зависело от казаков.

Некоторым бабам просто перерезали горло.

Другим отрезали обе груди, а потом распарывали живот.

Некоторым просто распарывали живот.

Другим казаки всаживали палку с заострённым концом либо в задний проход, либо спереди.

Потом войско станичников уходило из этой мёртвой русской деревни. Подобных случаев было очень много.

У пленных казаков, во время допроса, мы узнали о событиях в этой деревне в подробностях.

Дедушка вспоминает, что одна из значительных побед отряда, в котором он служил, произошла именно из-за такого случая, который описан здесь.

Примерно сто мужиков расположилось в тайге, мы, разведчики, пошли проверять местность, и вдруг поняли нечто необычное.

Недалеко обнаружили деревню, а в ней казаков, у нас сразу возникло очень нехорошее предчувствие. Тем более, что присутствие казаков в деревне не сулило жителям деревни ничего хорошего. Приглядевшись получше, мы всё поняли.

Разведка вернулась во временный лагерь, мы сообщили мужикам о деревне и о том, что станичники творят с бабами.

Мужики хотели сразу напасть на казаков, но командир сказал, сначала разведка, а вот потом...

Мы сказали, что насильников примерно сотня, что они ну очень увлеклись женщинами.

Мужики незаметно проникли в деревню и внезапно атаковали насильников.

90 казаков было убито, пятеро взяты живыми в плен, но пятерым казакам удалось спастись.

Всем пятерым мы выпустили кишки наружу, казаки проклинали нас за кишки, но нам было наплевать на их проклятия.

Казаки с распоротыми животами ещё долго жили.

Уже потом мы узнали, что убежали от нас пять казаков, но один казак был ранен, его довели до станицы, но он умер в станице от полученной раны.

Наши потери – трое убитых и четверо раненых, все наши раненые выжили и вскоре вернулись в строй.

Тимур вспоминает: к сожалению, такие успешные операции были редкостью.

Так прошло два года этой лютой войны.

Мужикам удалось разгромить третью станицу, мы там были.

Взять эту третью станицу ночным налётом, как две предыдущие, не удалось, казаки тоже учились на своих ошибках и создали там такую оборону, что прорваться в станицу не удалось.

Для успешного нападения к операции подключили ещё несколько других партизанских отрядов.

Бои были тяжёлые, исход в нашу пользу решила наша артиллерия. Под ударами пушек мы пошли на штурм станицы.

Казаки ушли из станицы, к сожалению, уничтожить их не удалось, но всё же это была крупная победа красных над белыми.

За те два года, что прошли, мы поняли из допросов пленных казаков, что нападение казаков на наше стойбище было случайным. Главной целью казаков были русские деревни мужиков, а не мы, узкоглазые обезьяны.

У нас, узкоглазых, не было никаких противоречий с казаками. Казаки и не собирались нападать на наше племя, мы пострадали из-за ненависти, которая полыхала между казаками и мужиками из-за земли, которую контролировали станичники и на которую зарились мужики.

Казаки и устроили кровавую бойню мужикам для устрашения, а наше стойбище случайно попало под удар станичников. Казаки наносили удар по многим районам, и там, в других районах, казаки вырезали русские деревни, а узкоглазых не трогали, и только в нашем районе казаки уничтожили по ошибке стойбище узкоглазых макак.

Вот такая оказалась правда.

Тимур рассказывает: получается, что мы воюем за чужие интересы, мы ведь были лесным народом, а казаки и мужики бьются за пахотную землю, а нам, лесным охотникам, не было никакого дела до пахотной земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.